

СЕРГѢЙ ЛИФАРЬ

ТРЕТІЙ ПРАЗДНИКЪ ПУШКИНА

ПАРИЖЪ
1937

à mon
cher
Serge
Lifar
Jean Cocteau
janvier
1937

СЕРГѢЙ ЛИФАРЬ

ТРЕТІЙ ПРАЗДНИКЪ ПУШКИНА

"Les fêtes internationales du centenaire doivent le placer à son rang véritable, parmi les plus grands écrivains du monde".

("*Figaro*". 23. I. 1937)

ПАРИЖЪ
1937

Отпечатано въ количествѣ 10.000 экземпляровъ въ Типографіи «Coop. Etoile», 18-20, Faub. du Temple, Paris (XIe)

11 февраля исполняется 100 лѣтъ со дня смерти величайшаго Русскаго Поэта — «первой русской любви», по вѣщему слову поэта Тютчева —

Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ.

Первый пушкинскій праздникъ былъ въ іюньскіе дни 1880 года — при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ. Праздникъ оказался неожиданнымъ — казалось, что съ 1837 года Россія только забывала свою первую любовь; казалось, что въ десятилѣтія побѣднаго и торжествующаго утилитаризма, когда громко провозглашалось, что «сапоги выше Шекспира» и красота, какъ красота, какъ прекрасное, жизни не нужна, забыто было самое имя того, кто полвѣка назадъ

былъ любимымъ русскимъ поэтомъ и вызывалъ юношескій энтузіазмъ въ культурно-юномъ русскомъ обществѣ; казалось, что имя Пушкина свято и молчаливо хранили въ своихъ сердцахъ одни русскіе писатели, чувствовавшіе свою живую, кровную связь съ величайшимъ русскимъ геніемъ (у всѣхъ русскихъ писателей, начиная съ Лермонтова и Гоголя и кончая Тургеневымъ и Достоевскимъ, былъ исключительный культъ Пушкина), да нѣсколько человѣкъ; казалось, что если они заговорятъ о Пушкинѣ — давно уже въ русскомъ обществѣ не говорили о немъ! — ихъ слова прозвучатъ, какъ въ пустынѣ — прекрасныя, но ненужныя слова. И они заговорили на открытіи памятника Пушкина — заговорилъ Тургеневъ, заговорилъ Достоевскій, заговорилъ историкъ Ключевскій.... И тутъ произошло іюньское чудо: слова ихъ не только услы-

шала молчаливая Россія, но и покрыла ихъ горячими, энтузіастическими апплодисментами и превратила чествованіе по случаю открытія памятника поэту въ великій національный праздникъ, въ которомъ было предвѣстіе, предчувствіе будущаго великаго русскаго праздника. Особенно зажгла, воспламенила всѣхъ пророческая рѣчь Достоевскаго о пророческомъ значеніи Пушкина.

«Повторяю: по крайней мѣрѣ, мы уже можемъ указать на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Вѣдь могъ же онъ вмѣстить чужіе геніи въ душѣ своей какъ родные. Въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ, въ художественномъ творчествѣ, онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо, а въ этомъ уже великое указаніе. Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой фантазіи основаться. Если бы

жилъ онъ дольше, можетъ быть явилъ бы безсмертные и великіе образы души русской, уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ бы ихъ къ намъ гораздо болѣе и ближе чѣмъ теперь, можетъ быть успѣлъ бы имъ разъяснить всю правду стремленій нашихъ, и они уже болѣе понимали бы насъ чѣмъ теперь, стали бы насъ предугадывать, перестали бы на насъ смотрѣть столь недовѣрчиво и высокомѣрно, какъ теперь еще смотрятъ. Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было бы можетъ быть менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собой въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ.»

Эти заключительныя слова пророческой рѣчи Достоевскаго о 1937 годѣ —

когда снова, но уже сосвсѣмъ иначе, и въ другомъ смыслѣ, и другимъ, громкимъ, общеевропейскимъ голосомъ и языкомъ, заговорятъ о міровомъ значеніи Пушкина, — вызвали такую нескончаемую бурю восторговъ, что праздникъ Пушкина сталъ въ то же время праздникомъ и Достоевскаго — пророка о будущемъ пониманіи Пушкина.

На этомъ первомъ пушкинскомъ праздникѣ-предвѣстіи прозвучалъ и другой пророческій голосъ, пока еще одинокій — голосъ крестьянскій, голосъ крестьянской Руси. «Съ радостью» крестьянинъ Желнобобовъ говорилъ, что «Пушкинъ былъ и крестьянскій поэтъ, и что въ свѣтлой и геніальной душѣ его была теплая струйка и къ этому у насъ сословію, которое по барски считается низкимъ, по человѣчески же и по житейски, или же прямо, по божьи, оно есть выше всѣхъ: на немъ, какъ на ог-

ромнѣйшемъ и сильнѣйшемъ столбѣ все наше государство стоитъ!» Крестьянинъ говорилъ, что открытіе памятника Пушкина — «торжество будетъ великое; значитъ что нынѣшній русскій народъ понимаетъ значеніе бывшаго у себя на Руси великаго дѣятеля въ творчествѣ письменнаго Божьяго слова. За симъ я позволю себѣ сказать, именемъ нынѣшняго *свободнаго* и многомилліоннаго нашего крестьянства, что желательно бы было, чтобы при такомъ, вполнѣ заслуженномъ поэтомъ торжествѣ было обращено вниманіе на приравненіе Пушкинской эпохи къ нашему времени. Намъ, напримѣръ, очень коротко извѣстно, что все великое поэтическое творчество Пушкина относится ко времени существованія у насъ, во всей своей силѣ, крѣпостного права. И государственный строй, и все вообще въ немъ — были въ то время совершенно иные, чѣмъ они

стали теперь и чѣмъ разовьются далѣе въ нашемъ свободно трудовомъ государствѣ. Крѣпостное право мѣшало развитію могучаго генія, его полному и общенародному творчеству. Итакъ, великая заслуга будетъ, если ко всѣмъ рѣчамъ въ честь Пушкина при открытіи ему памятника присоединится еще одна или и больше рѣчей, въ которыхъ сопоставится Пушкинское и наше время — время свободнаго народнаго труда, когда великій поэтъ становится доступенъ этому народу.»

Черезъ 7 лѣтъ послѣ этого Пушкинскаго праздника исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти поэта (въ 1887 году), — окончились права наслѣдниковъ на сочиненія Пушкина, которыя стали общенароднымъ достояніемъ, пятидесятилѣтняя годовщина была отпразднована русскимъ обществомъ, но настоящаго, большого и свѣтлаго, общенароднаго празд-

ника не вышло, — правда, что эта годовщина предопредѣлила собой будущее большое, истинно всерусское празднество 1899 года — столѣтіе со дня рожденія, — къ которому тогда же начали готовиться. Этотъ праздникъ — праздникъ 1899 года — былъ настоящимъ, великимъ всерусскимъ праздникомъ, въ которомъ вся Россія принимала участіе — и русское праивтельство, и русское общество, и русскій народъ. Всѣмъ школьникамъ, народнымъ столовымъ, библіотекамъ, чайнымъ, всѣмъ раздавались безплатно сочиненія Пушкина, вся Россія покрылась портретами Пушкина, устраивались чтенія, лекціи, концерты, вечера, выставки, каждый день появлялись новыя и новыя книги о Пушкинѣ — послѣдній годъ XIX вѣка прошелъ подъ знакомъ юбилея Пушкина, былъ въ подлинномъ смыслѣ слова пушкинскимъ годомъ. 1899-ый годъ открывалъ Россіи

Пушкина — какого Пушкина? — За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, уже предвидя ее (и нельзя было не предвидѣть — петля плотно стягивала его шею), Пушкинъ создалъ свой памятникъ — Exegi monumentum, въ которомъ подвелъ итоги своего великаго творческаго дѣла:

Я памятникъ себѣ воздвигъ
нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа,
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ, весь я не умру — душа
въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья
убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ
мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ,
И гордый внукъ славянъ, и финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я Свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемля равнодушно,
И не оспоривай глупца.

Раскрытію подчеркнутыхъ двухъ строфъ и былъ посвященъ Пушкинскій юбилей, прошедшій подъ знакомъ Пушкина — *великаго русскаго національнаго*

поэта. Праздникъ былъ великимъ всерусскимъ праздникомъ, но только русскимъ — Европа не принимала въ немъ никакого участія; да и какое дѣло было Европѣ до русскаго поэта, имѣющаго какъ будто только мѣстное значеніе, — западная Европа и не знала русскаго генія. Среди юбилейной литературы 1899 года о Пушкинѣ (очень обширной) останавливаетъ на себѣ вниманіе брошюра «Пятидесятиязычный Пушкинъ» — обзоръ переводовъ Пушкина «на 50 языковъ и нарѣчій міра» (начало переводовъ было положено во Франціи — въ 1823 году): изъ этой брошюры выясняется, что Пушкинъ сталъ извѣстенъ во всѣхъ концахъ міра, но особенно любопытны указанные переводы на языки всѣхъ народностей, составлявшихъ въ 1899 году русское государство (многія выпали изъ него послѣ революціи!) — дѣйствительно, имя Пушкина назвали «и

гордый внукъ славянъ, и финъ, и нынѣ дикой тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.»

Какъ ни много сдѣлалъ первый столѣтній пушкинскій юбилей-праздникъ, значеніе его заключается больше въ томъ, что онъ заложилъ фундаментъ для будущаго громаднаго пушкинскаго зданія: столѣтній юбилей годовщины рожденія великаго генія съ одной стороны возбудилъ интересъ къ нему въ массѣ (и за протекшія 37 лѣтъ — мѣра жизни Пушкина — этотъ интересъ съ каждымъ годомъ возрасталъ), съ другой стороны обнаружилъ, что не только въ Россіи не начиналось еще научнаго изученія Пушкина и его творчество не изслѣдовано, но что Россія не владѣетъ еще въ настоящемъ смыслѣ критическимъ полнымъ собраніемъ сочиненій Пушкина: съ 1899 года и начинается «пушкиновѣдѣніе» въ Россіи, появляет-

ся академическое изданіе сочиненій, спеціальные пушкинскіе журналы, создается Пушкинскій Домъ при Россійской Академіи Наукъ и проч. и проч. Это пушкиновѣдѣніе не было убито соціальной революціей, — въ совѣтской Россіи продолжается изученіе Пушкина и число работниковъ по Пушкину все растетъ и растетъ; справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что не только часто работы, выходящія въ совѣтской Россіи, бываютъ обезцѣнены обязательнымъ подходомъ — «соціальнымъ заказомъ», но что и количественно, и качественно въ первые 17 лѣтъ XX вѣка по Пушкину было сдѣлано больше, чѣмъ за послѣднія 20 лѣтъ.

Наступаетъ третій праздникъ Пушкина, третій юбилей — столѣтняя годовщина смерти Поэта. Совѣтская Россія давно готовится къ этому дню, и несомнѣнно, что чествованіе Пушкина приметъ

тамъ грандіозные размѣры: Москвѣ и Ленинграду есть что показать по Пушкину — и свои богатѣйшія собранія рукописей и предметовъ, и результаты своихъ работъ по изученію Пушкина; Пушкинская юбилейная литература уже въ прошломъ, въ 1936 году, была значительна (достаточно назвать два юбилейныя изданія, начавшія выходить въ этомъ году). Нѣтъ сомнѣнія, что праздникъ Пушкина въ Россіи и въ 1937 году будетъ такимъ же большимъ всероссійскимъ, всенароднымъ праздникомъ, какимъ онъ былъ въ 1899 году, и обнаружитъ еще бо́льшее проникновеніе Пушкина въ самыя широкія народныя массы (объ этомъ больше всего свидѣтельствуютъ милліонные тиражи налету расхватываемыхъ сочиненій Пушкина). Но по существу этотъ юбилей въ Россіи долженъ оказаться повтореніемъ прежнихъ юбилеевъ и долженъ пройти подъ

тѣмъ же знакомъ чествованія Пушкина, какъ великаго русскаго національнаго, народнаго поэта — попытки, которыя дѣлались одно время, представить Пушкина — свободнѣйшаго и свободолюбивѣйшаго поэта («Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я Свободу»), но и пѣвца русской великодержавности и органическаго противника всякой революціи, всякой насильственной соціальной ломки традицій, которыми онъ свято дорожилъ («Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній», «Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, — безсмысленный и безпощадный! Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ чужая головушка — полушка, да и своя шейка копѣйка»), попытки пред-

ставить Пушкина, какъ апостола и пророка русской соціальной революціи, попытки причислить аристократически-народнаго поэта, такого широкаго, что неукладывающагося ни въ какія рамки, къ своей партіи, къ своему лагерю, попытки эти потерпѣли полную неудачу, и добросовѣстность серьезныхъ совѣтскихъ пушкинистовъ восторжествовала надъ искажающей подлинный ликъ Пушкина тенденціей.

Готовится къ великому пушкинскому дню и зарубежная Россія. Въ ея распоряженіи нѣтъ тѣхъ богатыхъ средствъ и матеріаловъ, которыми располагаетъ совѣтская Россія: нѣтъ или почти нѣтъ настоящихъ серьезныхъ работниковъ по Пушкину (всѣ они наперечетъ и пяти пальцевъ на одной рукѣ слишкомъ много, чтобы ихъ пересчитать), нѣтъ музеевъ съ громадными рукописными фондами Пушкина, нѣтъ картинныхъ галле-

рей съ портретами Пушкина и его современниковъ, нѣтъ Пушкинскихъ Домовъ.... Но кое-что есть. Есть живое чувство Пушкина и живая любовь къ нему, къ «первой русской любви», есть кое-какіе матеріалы, позволившіе къ юбилею Пушкина выпустить нѣсколько изданій съ воспроизведеніемъ первостепенной важности неизданныхъ рукописей Пушкина и его портретовъ, есть такія частныя собранія, которыя даютъ надежду думать, что Пушкинская выставка, устраиваемая, по иниціативѣ пишущаго эти строки, Парижской Bibliothèque Nationale, будетъ значительной манифестаціей Пушкина и его эпохи... Зарубежная Россія образовала 85 Комитетовъ, возглавляемыхъ центральнымъ парижскимъ Пушкинскимъ Комитетомъ, нашедшимъ возможности отмѣтить юбилей критически провѣреннымъ изданіемъ сочиненій Пушкина.... Устраивают-

ся пушкинскія собранія, выставки, пушкинскіе вечера и концерты, создаются и ставятся новые балеты на пушкинскіе сюжеты, пишутся новыя музыкальныя произведенія на слова Пушкина.... Но главное въ европейско-русскихъ пушкинскихъ торжествахъ заключается не въ этомъ — главное, самое главное и важное въ томъ, что чествованіе Пушкина во всѣхъ концахъ міра — во Франціи, въ Италіи, въ Германіи, въ Англіи, въ Америкѣ, въ Китаѣ, въ 37 странахъ свѣта — устраивается не одними русскими и не для однихъ русскихъ, а совмѣстно со всѣми культурными и цивилизованными народами и для всѣхъ культурныхъ народовъ міра. Важно не то, сколько русскихъ представителей входитъ въ Пушкинскій Комитетъ, важно, что въ немъ находятся 9 французскихъ академиковъ; важно, что Пушкинское чествованіе устраивается Сорбонной, что Пушкинскую

выставку организуетъ Bibliothèque Nationale, что три европейскія Академіи чествуютъ величайшаго русскаго генія, что французская Opéra даетъ оперы на пушкинскіе сюжеты, что радіо-станціи во многихъ странахъ передаютъ во всѣ концы міра праздники Пушкина.

Начинаютъ исполняться пророческія слова Пушкина:

И славенъ буду я, *доколь въ подлунномъ мірѣ*
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Третій праздникъ Пушкина — 1937 года — происходитъ уже не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и во всемъ мірѣ, — и въ этомъ его отличіе отъ всѣхъ предшествовавшихъ пушкинскихъ праздниковъ, въ этомъ его новое, — онъ проходитъ подъ знакомъ чествованія Пушкина уже не только какъ великаго русскаго національнаго поэта, но великаго міро-

вого поэта, *всемірнаго генія,* міровое значеніе котораго и долженъ выявить праздникъ 1937 года. Европа еще не знаетъ какъ слѣдуетъ Пушкина, но она уже повѣрила въ то, что въ Россіи былъ и есть свой геній, достойный занять мѣсто рядомъ съ другими великими міровыми тѣнями. И этого достаточно: сейчасъ Европа вѣритъ въ это, а нынѣшній праздникъ, который возбудитъ интересъ и вниманіе къ нему, заставитъ ее и полюбить и узнать Пушкина. Въ этомъ и заключается значеніе праздниковъ-юбилеевъ, что они являются толчками къ будущей работѣ. Такъ было и съ юбилеемъ 1899 г., послѣ котораго началось настоящее изученіе Пушкина въ Россіи, такъ будетъ и съ юбилеемъ 1937 года — имя Пушкина будетъ славно, «доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ піитъ.»

Парижъ. Январь 1937.

ИЗДАЛЪ С. ЛИФАРЬ